

— Резиденция градоправителя берёт за это посреднический сбор, — прямо объяснил Старый руководитель. — Если отправленный туда человек подходит по требованиям, нам выплачивают приличные комиссионные. В будущем появится возможность в первую очередь выменивать у них припасы: еду, соль, овощи, фрукты, даже соевую пасту и соленья! А ещё ткани, хлопок и многое другое.

Всё это — самые дефицитные вещи, без которых не прожить. О чём тут говорить, если без обычной соли человеку просто не выжить.

На Севере соль не добывают. Кое-кто из стариков, правда, умеет вываривать щёлок, но щёлок и соль — совершенно разные вещи. Град Льда и Снега потому и заложили на этом месте, что неподалёку нашлось небольшое солёное озеро. Из его воды и выпаривали соль для еды, но её всё равно катастрофически не хватало.

— Хм... А взамен что потребуется от нас? — спросил Цуй Гу. Этот вопрос был самым важным.

— Платить вам будут припасами, и очень щедро, а резиденции градоправителя вы должны отдавать всего лишь десятую часть.

Десятина — ни много ни мало, в самый раз.

Сотня-другая работников — и собранная доля заметно облегчит нужду в приюте для сирот. К тому же это станет их общим вкладом в жизнь Града Льда и Снега. С другой стороны, такой сбор уберёжёт от зависти и злобы тех, кого не отберут на работу.

В эти суровые времена иметь стабильную работу и возможность досыта набивать брюхо — уже великое счастье.

Град Льда и Снега только с виду казался монолитом, сплочённым перед лицом внешней угрозы. Стоило заглянуть глубже — и в отдельных семьях, да и в сплотившихся группировках, то и дело вспыхивали свои дрязги. А тут предлагают настолько сказочные условия. Резиденции градоправителя волей-неволей приходилось считаться с настроениями людей.

— Раз уж резиденция выступает поручителем, я подумаю, — не стал давать поспешных обещаний Цуй Гу.

— И там действительно нужно будет просто работать? — Чжан Инъин с сомнением посмотрела на Старого руководителя.

— Самая настоящая работа, никто вас на убой не посылает, — с улыбкой заверил её Старый руководитель. — Подумай сама, разве в Граде Льда и Снега когда-нибудь творили подобные бесчинства? Сколько у нас в городе простых людей? Да мы сами зубы на полку положим, но их выходить обязаны.

— И то верно, — вздохнула Чжан Инъин.

В душе она всё ещё сомневалась, но, взглянув на мужа, поняла: он не вынесет прежней унылой жизни. К тому же дети росли не по дням, а по часам, аппетит у них становился волчий, а одежда стремительно делалась мала. Сама она ткачеством едва сводила концы с концами, а лохмотья на ребятах держались на честном слове.

С сыном ещё куда ни шло, но как быть с дочерью? Девочке уже за десять перевалило, негоже ей ходить в рванье, едва прикрывающем тело.

— Не переживай, он ведь не один едет, целая толпа соберётся, — успокоил её гость.

Покончив с обедом, Старый руководитель распрощался с семьёй Цуй Гу. Напоследок он предупредил: если тот решится, пятнадцатого числа нужно прийти к резиденции градоправителя. Там все подпишут договоры, после чего охотничий отряд доставит работников к месту службы.

Покинув дом Цуй Гу, на следующий вечер Старый руководитель отправился в другой район города — к общежитиям для одиноких.

Общежития эти представляли собой длинные коридоры с крохотными каморками на одного. Жили здесь те, кто потерял в катастрофе и крышу над головой, и близких. Обычные люди без каких-либо сверхспособностей. Всё, что они могли, — продавать свой тяжёлый физический труд, помогая восстанавливать Град Льда и Снега.

Впрочем, город их не бросал и не считал людьми второго сорта. Им давали кров и еду. Каждое утро весь город кормили одинаково: жидкая кукурузная каша или похлёбка из грубого зерна, один пресный маньтоу, ломтик маринованного корня да кусочек солонины. Такой нехитрый завтрак полагался каждому жителю Града Льда и Снега.

Обедать и ужинать приходилось своими силами — люди крутились как могли, ища любую подработку. Городские власти ввели бесплатные завтраки лишь для того, чтобы несчастные, лишённые всяких ремесленных навыков, попросту не протянули ноги от голода. Даже одна порция похлёбки поутру ложилась на казну непосильным бременем, а кормить всех трижды в день город был не в состоянии.

Сытный завтрак давал бедолагам сил на целый день, позволяя заработать физическим трудом на кусок хлеба к вечеру.

Ян Чанлинь был как раз из таких одиночек. Он ютился в здешней каморке, не скопив никакого добра. Всё его богатство составляли две смены одежды, пара исподнего да несколько пар носков — последние вещи, которые успела справиться ему жена перед смертью. Он берёт их пуще глаза и носил с благоговением.

Но жены больше не было. Ребёнок тоже погиб. Четверо стариков-родителей сгинули в самом начале катастрофы. Не пообещай он умирающей супруге во что бы то ни стало выжить, давно бы уже бросился в гущу наступающих мертвецов.

Вчера вечером он принёс домой знатную добычу: два маньтоу, пару солёных утиных яиц, кусок солонины и палку колбасы. Половину хлеба и всё мясо он сразу отдал соседям — семейной паре без способностей, ютившейся за стеной с тремя ребятишками.

Двое из этих детей не были им родными — сироты погибших родственников. Оставшись совсем одни, супруги приютили их, создав новую, большую семью. Ребята росли послушными, но в доме вечно не хватало еды. Пожалев бедолаг, Ян Чанлинь частенько подкармливал их, а соседская жена в благодарность стирала ему нехитрые пожитки.

Второй маньтоу Ян Чанлинь разделил пополам с соседом с другой стороны — двадцатилетним парнем, который вечно ходил голодным. Ему же перепали солёное яйцо и половина колбасы. Себе мужчина оставил лишь ломтик маринованного корня, кусочек колбасы да пол-пайки хлеба. Обоим бобылям готовить было недосуг, так что они просто съели холодную колбасу, а сырое мясо отдали в семейную каморку — тамошняя хозяйка знала толк в стряпне, и сытное варево порадовало всю её ораву.

Сегодня Ян Чанлинь принёс точно такой же паёк и распределил его точь-в-точь как вчера.

Молодой сосед смущённо поскрёб затылок:

— Дядя Ян, вы каждый день меня подкармливаете, мне уж прямо неловко. Вот, я сегодня за работу сушёную зелень раздобыл. Может, суп сварим?

Парень был худощавым, но жилистым, так и дышал силой.

Выжить в одиночку в хаосе апокалипсиса, будучи десятилетним ребёнком, — для этого требовался недюжинный ум и изворотливость.

— Давай! — согласился Ян Чанлинь.

Горячая похлёбка — роскошь по нынешним временам, парню сегодня крупно повезло.

Утварь у бобылей была скудная, но старый котелок для каши имелся. Сварить суп — дело нехитрое: забросить сушёную ботву в кипяток, сыпануть щепотку соли, немного специй — и готово.

Они как раз собирались сесть за стол, когда на пороге возник Старый руководитель.

— Как раз к шапочному разбору успел, — добродушно усмехнулся он.

— Какими судьбами? — удивился Ян Чанлинь.

Он бесконечно уважал этого человека. Когда-то давно Старый руководитель твёрдо решил связать свою судьбу с Градом Льда и Снега, и Ян Чанлинь пошёл за ним. Время показало, что они не ошиблись: их город выстоял, в то время как многие хваленые мега-базы превратились в прах и пепел.

— Зашёл проведать старого товарища. А это, никак, Ли Пин из соседней комнаты? Совсем взрослый стал, — тепло произнёс вице-градоправитель.

Он хорошо помнил этого парня. Ли Пин оказался в числе первых сирот, когда город ещё только зарождался на руинах базы. Едва ему стукнуло восемнадцать, он покинул приют, но долг свой не забыл: устроившись на работу, исправно отстёгивал детскому дому крохи от своих заработков. Понемногу, зато постоянно. Редкой души парень.

— Вице-градоправитель, раз у вас дела, я пойду к себе... — Ли Пин поднялся было из-за стола, но Ян Чанлинь крепко удержал его за плечо.

— Сиди уж, ешь давай.

Ян Чанлинь заметил, что гость пришёл не с пустыми руками: на стол легли две сытные колбаски и — невиданная роскошь — пара спелых яблок. В их суровом краю фрукты ценились куда выше овощей.

— Мытые, ешьте смело, — без лишних церемоний Старый руководитель протянул хозяевам по колбаске и яблоку. — Вы подкрепляйтесь, а я пока расскажу, зачем пришёл. Раз уж малец Ли Пин тоже здесь, пусть послушает, дело общее.

Пока они жевали, вице-градоправитель вкратце обрисовал ситуацию.

— Неужто этот одарённый сам работать не умеет? — изумился Ян Чанлинь. — Судя по вашим словам, он и в одиночку прекрасно справляется.

— В хаосе можно выжить и в одиночку, но раз уж беде пришёл конец, нельзя вечно дичиться людей, — с улыбкой возразил вице-градоправитель. — К тому же у него скопилась уйма припасов, которые можно пустить в дело на благо всего Града Льда и Снега. Пока мы тут перебиваемся с хлеба на воду, он у себя один лопаёт до отвала, а запасы лежат мёртвым грузом.

Была и ещё одна причина, о которой Старый руководитель предпочёл умолчать: с окончанием тёмных времён нужно было восстанавливать производство. Последнее десятилетие далось

человечеству слишком дорогой ценой, и теперь пришла пора расправить плечи и уверенно смотреть в будущее.

— Договорились, я согласен! — решительно кивнул Ян Чанлинь. — Но с одним условием: Ли Пин поедет со мной.

Ли Пин удивлённо уставился на соседа.

Ян Чанлинь вздохнул, и в его глазах промелькнула давняя тоска:

— Будь мой сынишка жив... он сейчас был бы точь-в-точь как ты.

— Отец! — без колебаний выдохнул Ли Пин.

У Ян Чанлиня мгновенно заблестели глаза, к горлу подступил ком.

— Хороший мой... Славный парень.

Старый руководитель молча улыбался, глядя на них. Тёмные времена устроили человеческой природе суровую проверку, но даже в беспросветном мраке находилось место искреннему теплу. Подобное названное родство на руинах мира не было редкостью: пока одни безжалостно бросали немощных стариков и обузу-детей, другие, потеряв в огне катастрофы близких, находили друг в друге утешение и опору, латая израненные души.

Выждав, пока уляжется первая буря чувств, вице-градоправитель мягко заметил:

— Поехать-то вы можете вдвоём, тут преград нет. Да только какое ремесло за душой у Ли Пина? Туда ведь набирают мастеров с квалификацией.

Действительно, парню едва исполнилось десять, когда мир рухнул. Чему он мог научиться? Хорошо хоть грамоту освоил да читать горазд — уже великое достижение для поколения катастрофы.

— В старые времена я числился старшим контролёром на механическом заводе! Разве мастеру не положено взять с собой подмастерье? Я сам его всему обучу. И это не пустая похвальба: дайте мне любую инструкцию, я пару раз гляну на чертежи — и запущу любой агрегат. По звуку работы определю, где шестерёнка барахлит или смазка сошла. Я, Ян Чанлинь, до катастрофы не одну государственную премию за рационализаторство отхватил!

Ян Чанлинь имел полное право на гордость. В прежней жизни он слыл редким специалистом — инженером-механиком широчайшего профиля. Работа со сложнейшими механизмами давно превратилась для него во вторую натуру. Крупнейшие заводы провинции приглашали его для

ремонта и отладки оборудования. Сам он происходил из потомственной рабочей династии и с пелёнок обожал возиться с железками. Его сильные, мозолистые руки без труда могли и затянуть упрямую гайку, и собрать тончайший узел.

Благодаря своей выносливости он отлично зарабатывал на строительстве городских стен, перевыполняя любые нормы. Одному ему столько еды было не нужно, вот он и делился пайком с соседями.

Конечно, одинокие женщины заглядывались на него — с его-то руками он мог обеспечить безбедную жизнь любой хозяйке. Но Ян Чанлинь так и не сумел вычеркнуть из сердца покойную жену. Он сознательно выбрал одиночество, решив для себя: если на город снова хлынет орда мертвецов, он без колебаний отдаст жизнь за Град Льда и Снега, уйдя без сожалений и не оставив никого оплакивать его могилу.

Однако Град Льда и Снега выстоял без таких жертв, и кошмар наконец отступил.

Теперь у него появился названный сын. Появился смысл передать кому-то свои знания и опыт, накопленные за долгую жизнь. В душе мужчины вновь забрезжил слабый огонёк надежды; ледяная корка, сковавшая его сердце после потери близких, дала трещину, и бывшая уверенность в собственных силах мало-помалу возвращалась.

— Ну что ж, заметано. Пятнадцатого числа жду вас у резиденции градоправителя. Оформим бумаги, а дальше — под охраной наших охотников двинетесь в путь, — Старый руководитель с теплотой похлопал инженера по плечу. — Раз уж жизнь налаживается, нужно смело идти вперёд. С твоим-то талантом спину на стройке гнуть — преступление.

Ян Чанлинь просиял.

Ли Пин тоже почувствовал, что этот день круто изменил его судьбу к лучшему.

<http://bllate.org/book/18997/1917690>